

Заключение

Обращение к метаязыку политической науки осуществляется путем прерывания самореференции политической теории, путем выхода на метод и метапарадигмальную структуру политического знания, определяющую критерии его «научности» и «истинности». Этот выход позволяет наблюдать тот факт, что политическое знание тяготеет к одной из структурно-антагонистических моделей метаязыка: знаковой или символической, призванных разрешить проблему познания как проблему способа соотношения означаемого и означающего в пространстве языка как трансцендентального условия мышления. Метаязык имеет характер априорного, нормативного согласия научного сообщества по поводу доминирующей структуры познания в политической науке, ее методов и критериев, которые непосредственно вырастают из трансцендентального языка вообще, как условия любой коммуникации, производства, понимания и обмениваемости значениями, имеющими **интерсубъективный** смысл.

Язык является формой мысли, знаковой системой. Политическую область исследований также можно рассматривать как знаковую систему. Метаязык политической науки – это язык «знаковой системы второго уровня», с помощью которого говорят о языке-объекте политической теории, выступающей в качестве первичной знаковой системы в области политического знания. Обращение к метаязыку политической науки как к дискурсивной структуре политического познания осуществляется посредством саморефлексии теоретического субъекта. Метаязык политической науки извлекается из ценностных и методологических аксиом познания политики, к которым отсылает любая политическая теория, если она хочет избежать ложного круга, т.е. объяснения одних понятий через другие – постоянного «доказательства доказательств». Для политической теории таким аксиоматичным основанием, которое не позволяет ей повторяться до бесконечности, служит Язык как таковой. Он является универсальной, естественной знаковой системой, из и над которой выстраиваются все прочие, «искусственные» формы знаковых систем.

Априорно-аксиологическая структура языка задает искусственно выделяемую структуру метаязыка политической науки. Речь идет о разбивке языка на два структурных принципа, две микромоделю, которые определяют собой ценностную и методологическую структуру метаязыка политической науки: знакового или символического. Будучи взаимоисключающими, эти структуры образуют методологическое единство при абстрагировании от политической теории, направленной на объект, т.е. политику, и обращении к метаязыку политической науки как таковому. Это методологическое единство связано с логикой принципа дополнительности.

Политику и описывающую ее политическую науку можно рассматривать на следующих уровнях.

1. Политика как система действия. Представляет собой непосредственную политическую практику – «нулевую степень политики». Здесь политический субъект неспособен к саморефлексии и самоосмыслению, будучи связан с политическим как с доксическим – общественным мнением, здравым смыслом и разного рода самоочевидностями. Политики не производят политическую теорию и не осмысляют политическое поле теоретически. Они ретроспективно воспроизводят, «отражают» политическую теорию на основе умножения и повторения уже имеющихся моделей метаязыка. Политическое знание здесь подчинено практическим целям и привлекается лишь вспомогательно-легитимирующим образом, задним числом. То есть политическое знание может играть лишь идеологическую, легитимирующую роль.

2. Внешний метаязык (метаязык политики) – теоретическое схватывание политики, направленное на политику как объект, связанное с «рецептурным» применением теоретических схем и парадигм, которые сами по себе под вопрос никогда не ставятся. Таково большинство политологических текстов, особенно прикладного характера. Языком-объектом внешнего метаязыка может являться только язык политики. В этом смысле «внешний метаязык» методологически ограничен и детерминирован политической властью, т.е. идеологичен. Идеологичность состоит в том, что теоретический субъект не способен к самоуяснению и прерыванию самореференции, так как это его делегитимирует. Поскольку релевантность по-

литической теории определяется «трансцендентальным согласием» научного сообщества относительно ее доказательных аксиом, то проблематизация этих аксиом внутри данной языковой игры (научной, властной, мифологической, этической) ведет к разрушению и релятивизации данной модели языка. Подобный подрыв доверия возможен, как правило, только извне.

3. Внутренний метаязык (метаязык политической науки) – ориентирован на означающие внешнего метаязыка, саморефлексию политического со-знания, то, как конструируется политика в пространстве политического представления. Рефлексия над политикой осуществляется здесь опосредованно, так как предметом рефлексии выступает корпус самих политологических текстов и теорий. Внешний метаязык здесь сам превращается в «язык-объект». Внутренний метаязык ориентирован на теорию метода и субъекта познания, являясь метаязыком самоописания политической науки. Структура подобного метаязыка предполагает выход на метапарадигму политической науки.

Соответственно, можно выделить следующие модели метаязыка политической науки. «Внешний метаязык» связан со знаково-тавтологической моделью политической науки, самореференцией власти. Границы политической науки имеют здесь жесткие позитивистские рамки, связанные с универсальностью метода и универсальностью наблюдателя. Исторически этот метаязык связан с приходом политики в идеологическое состояние Модерна и интересами Буржуазии, стремившейся свести все возможные политологические дискурсы к универсальности собственного дискурса элиты, отождествлением его с политически всеобщим, окончательным и внеисторическим состоянием политики.

Эта апология политической действительности как такой, в которой заложено все, что «могло бы быть», явно или не явно имеет форму идеологии (по К. Манхейму), играющей на руку существующему в политике статус-кво. Границы жизненного мира политики свертываются, отождествляясь с границами позитивистского метаязыка. Любое высказывание становится истинным, т.е. непротиворечивым, просто потому, что отсутствует внеположный ему контекст, так как текст и контекст тождественны. Поэтому весь

язык, весь корпус возможных значений политической истины принадлежит энкратическому метаязыку с его особой формой сверхрациональности.

Парадоксальный метаязык появляется как структурно оппозиционный метаязык политической науки, критикующий самоочевидность как начало политической мысли. «Классическая эпистема» знаково-энкратического метаязыка расценивается как ущербная форма науки, ориентированная на поиск истины как властной «оптимальности», эффективности, правильности, тождества буржуазного разума и реальности. Однако историческая форма этой правильности, ее ангажированность не осознается производящим ее теоретическим субъектом, поскольку в рамках жесткого нормативизма нельзя проблематизировать цели и истоки господствующих норм.

Дело в том, что вопрос об аксиомах политического знания является одновременно вопросом о легитимности политического порядка, который они призывают/призваны обеспечить. Парадоксальный метаязык утопичен в том смысле, что взрывает идеологическое политическое бытие и привычки мышления, с точки зрения того, что могло бы быть, как первоначала мысли. И в этом смысле то, что могло бы быть не содержится в том, что есть. Но только таким образом, негативируя и парадоксализируя политическую реальность, критикуя данный властный порядок, можно ее рефлексивно осмыслить. Иначе власть дискредитирует в своем внутреннем идейном пространстве, по критерию норма/не-Норма, любую попытку самостоятельного мышления, не принадлежащую субъекту власти.